

Анатолий Иванович, скоро «Бояну» 40 лет. Он накопил богатейший репертуар, играет и народную музыку, и классическую. Считается одним из ярких исполнителей Рахманинова. Но замечательных, талантливых, профессиональных коллективов и исполнителей классики много, однако мало кому удается, подобно «Бояну», сделать ее популярной. В чем секрет?

- В репертуаре! Он должен быть понятным слушателям любого уровня, демократичным и нравиться широкой публике!

- Но все-таки классическая музыка предполагает слушателя подготовленно...

- Мы подготовлены к ней самим своим рождением. Классическая музыка, русская в том числе, глубоко народна. Известен афоризм Глинки: «Создает музыку народ, а мы, композиторы, ее аранжируем». В Четвертой симфонии Чайковского вообще красной нитью проходит мелодия русской народной песни «Во поле береза стояла». «Боян» играет много советской классики - еще больше - славянской. Но главное место в репертуаре занимает музыка, самая близкая нашему народу - русская. Мы считаем себя ее пропагандистами. Несколько раз в месяц в Московском центре славянской музыки даем бесплатные концерты классической музыки. Есть у нас и специальные циклы, посвященные творчеству того или иного композитора. Это и Рахманинов, и Глинка, и Шопен, и Чайковский... Публика съезжается, без преувеличения, со всей Москвы и Московской области, хотя средств на рекламу у «Бояна» нет. Люди узнают о наших выступлениях друг от друга. А кто хоть раз побывал у нас, потом и сам приходит, и друзей приводит. Это происходит потому, что у людей есть потребность в красоте, одним из высочайших проявлений которой и является народная, классическая музыка.

- Вот уже долгие годы вы являетесь бессменным руководителем «Бояна», который и основали. Что вас побудило к созданию оркестра?

- Я окончил музыкальную школу по классу баяна, потом институт имени Гнесиных, стал в Советском Союзе первым аспирантом-баянистом. Со второго курса института выступал как артист Москонцерта. Я уже был лауреатом международных конкурсов, давал сольные концерты в лучших залах нашей страны и за рубежом, имел очень высокие ставки, на студии грамзаписи «Мелодия» одна за другой выходили мои пластинки. И вот однажды, выступая в сопровождении небольшого оркестра народных инструментов, заметил, что публика принимает меня с ансамблем намного лучше, нежели бы я играл один. И понял: такое исполнение ближе народу, его отличает не только разнообразие тембров и богатство музыкальных красок, но и зрелищность, театральность. Тогда я и решил создать свой ансамбль народных инструментов. Сначала в его составе было восемь человек. Потом мы стали расширяться, превратились в оркестр, который не имеет аналогов в мире. Ныне он соединяет два начала - инструменты народные и симфонические. Осуществить это было непросто. Ведь мы не просто играем музыку - мы служим идее национального самосознания нашего народа, стремимся, чтобы через музыку люди приобщались к тем великим ценностям, которые создавали наши предки.

- А нельзя было ограничиться просто служением искусству?

- Это очень сложный вопрос. Русскую музыку я играл с детства. Но один момент стал поворотным. В 20 лет я поехал на гастроли во Францию и на концерте для русских эмигрантов заметил, как молодые женщины вдруг заплакали. Я наглядно увидел: дело, которым занимаюсь, - гражданской важности. Потом возникло понимание, что как музыкант я должен служить не эстетам или коммерсантам от искусства, а прежде всего народу, который свет и пахнет. В конце концов я поменял очень успешную карьеру на служение, о котором мы говорим. Помню, первые гастроли «Бояна» прошли по ударным стройкам Сибири и Дальнего Востока. Люди там работали в тяжелых условиях, и теплота, с которой они нас принимали, убедила меня в правильности выбранного пути.

- «Боян» появился в то время, когда на сцене выступало довольно много сильных коллективов, использующих те же народные инструменты. Каково было не потерять среди них?

- Если есть собственное лицо - не потеряешься. Например, Северный народный хор, которому недавно исполнилось восемьдесят лет, очень сильно отличается, скажем, от Кубанского - хотя бы тем, что несет северные народные традиции. Так же и «Боян». Он появился в 1968 году, а уже в 1969-м стал лауреатом Первого молодежного фестиваля народной музыки в

Анатолий ПОЛЕТАЕВ: Я НЕ ЖАЛЕЮ О КРЕСТЕ, КОТОРЫЙ НЕСУ

ФОТО АНДРЕЯ НИКИТИЧЕВА

Москве, в 1973-м - лауреатом X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине, в 1982-м - лауреатом престижной тогда премии Ленинского комсомола. Мы объездили с концертами весь Союз вдоль и поперек, многие страны мира. В оркестре появились молодые талантливые певцы - среди них Надежда Бабкина, Галина Кулюкина, ансамбли «Русская песня», «Веснянка», «Гусляры», «Дударки».

В 1982 году «Боян» получил право восстанавливать храм Святого Власия. На его руинах мы выстроили собственный концертный зал. Музыканты в прямом смысле взялись за кирки и лопаты, в течение двух лет по субботам и воскресеньям рыли траншеи в два с половиной метра глубиной, потому что технику в центре Москвы тогда использовать не разрешали. Нам помогли композиторы, члены Общества охраны памятников, академики, ученые, артисты и просто неравнодушные люди. Поставили на церковь и позолотили купола, достав 15 килограммов золота. Водрузили главный крест весом в 900 кг. В том зале была внеземная акустика - церковная. Она помогала нам поднимать слушателей до такого уровня духа, когда они не могли сдержать слез восторга от исполняемой музыки.

- Как вам живется в дне сегодняшнем?

- В 1995 году при храме Святого Власия появился приход и сказал: «Пришло время отдавать». И мы согласились, потому что считаем - храмы необходимо возвращать церкви. По существующему законодательству нам должны были предоставить равноценное помещение. Вместо этого поздним вечером пришли казаки и выбросили на снег наши инструменты, многие из которых после этого погибли. Потом мы ютились в нескольких сырых подвалах, потом в аварийном детском саде, предназначенном на снос. Мы стали его восстанавливать, отремонтировали канализацию, водопровод, изменили конструкцию потолка, потратив на все это энергию, деньги... Наконец нам предоставили помещение, которое раньше занимала «Новая опера». Но теперь и отсюда нас выгоняют. Дальше нам идти некуда...

- На чью-то помощь все-таки рассчитываете?

- Нас поддерживают многие люди и организации. Например, комиссия по культу-

ре при Общественной палате... Недавно мне исполнилось 70 лет, и с юбилеем меня поздравил президент, прислав телеграмму с высокой оценкой моей деятельности. Министр культуры также прислал очень лестную телеграмму. В это же время г-н Шведкой предпринимает конкретные шаги, чтобы ликвидировать оркестр, - тогда вопрос о помещении снимается сам собой. Уже есть соответствующий проект.

Как вообще такое могло случиться?! «Боян» - академический государственный, ничем не провинившийся оркестр. Я, его создатель, верой и правдой всю жизнь служил Отечеству. В зале церкви Святого Власия мы 10 лет выступали для туристов со всего мира. «Боян» наряду с посещением Оружейной палаты, Кремля входил в программу их пребывания в Москве, потому что давал представление о русской музыке и культуре. Они говорили о наших концертах: «Это лучший вечер в Москве». Фирмы «Кока Кола», «Крайслер» платили по 5 тысяч долларов за концерт - при том что наш зал был рассчитан всего на 200 человек. На нас государство зарабатывало валюту. Мы и сейчас, несмотря на все трудности, а порой - хорошо спланированные помехи в нашей работе, существуем и даем концерты в переполненном зале...

- А раньше вам никто не мешал?

- Всегда мешали, но я шел наперекор. Знаете, из первого состава музыкантов оркестра некоторые умерли, другие давно на пенсии, а кто-то спился. Я не боюсь признаваться, что некоторые были алкоголиками, которых выгоняли даже из ресторанов. Кого я еще мог найти, если зарплата в ансамбле составляла 69 рублей? В таких вот условиях и пришлось создавать оркестр. Когда появился результат - появились и люди, которые стали помогать.

Сейчас ситуация еще отчаяннее. Музыкант с высшим образованием получает 2500 рублей. В оркестре просто сумасшедшая текучесть кадров. Репетирую я с одними, продолжаю с другими, а выступаю с третьими. Но костюм все-таки существует - это люди, которые готовы терпеть материальные лишения ради творчества. Чтобы сохранить высокую профессиональную репутацию, мы репетируем ежедневно, порой и в выходные. Ведь дабы заслужить

«На концерт лучше прийти часа за полтора до начала, чтобы занять место», - предупредили меня. Внимания на эти слова я не обратила - и зря. Людское море сначала внесло меня в зал Центра славянской музыки, потом прибило к стене... Казалось, в большом помещении нет не то что свободно-го кресла, но даже сантиметра площади. Публика сидела и на ступеньках, стояла в проходах между рядами. Все это происходило не на концерте какой-нибудь раскрученной поп-звезды, а на выступлении серьезных музыкантов - Государственного академического русского концертного оркестра «Боян». Его руководитель - народный артист СССР и России профессор Анатолий Иванович ПОЛЕТАЕВ - наш сегодняшний собеседник.

полуобнаженная певица с крестом на шее пляшет, как дьяволица, на сцене - она что, верующая? Это лицемерие и безобразие. На флаге нашего оркестра написано: «Россия, народность, духовность». Главная задача «Бояна» - просвещать и воспитывать в людях патриотизм, национальное самосознание, способствовать возрождению традиций, которые создавались великими людьми России. Но, как свидетельствует опыт ансамбля, место этим ценностям - на улице...

- К сожалению, это можно понять буквально. Скинхеды тоже выступают под флагом патриотизма.

- Для меня нация - это не только русские, а совокупность всех народов, которые живут в России. У нас общая судьба и национальные интересы. И жить мы должны в мире и согласии. А те группы молодых людей, которые кричат: «Россия для русских!», - я уверен, кто-то специально провоцирует, чтобы девальвировать или дискредитировать идею нашего национального самосознания. Возможно, сами эти молодые люди о том не догадываются - хотя бы в силу своей необразованности.

- Скажите, вам интересны другие коллективы, исполнители славянской, русской музыки?

- Интересны. Но у меня нет времени за ними следить. Я постоянно в цейтноте. Надо решать организационные вопросы, финансовые, держать уровень оркестра в ситуации, когда только добился от музыканта нужного исполнения, как он уже уволился. Я профессор высшего учебного заведения, в год выпускаю пять человек, и мне бы потребовалось сто лет, чтобы подготовить пятьсот музыкантов. Между тем через «Боян» их прошло еще больше. Для них это стало школой не только мастерства, но и мировоззрения.

- Вы не жалеете о том, что предпочли оркестр сольной карьере?

- Я могу о многом жалеть, о том, как у меня сложилась судьба. Но никогда не жалею о кресте, который несу. У меня есть понимание, что это нужно кому-то делать. И я должен это делать! Другое дело, что моя жизнь могла быть более эффективной. И если мой коэффициент полезного действия оказался не использованным в полной мере - и жалко, и обидно.

- У вас есть, как принято говорить, предшественники?

- Нет. Единомысленники есть. Но заниматься таким тяжелым трудом за нищенскую зарплату желающих мало. А кроме того, чтобы пройти той дорогой, какая выпала мне, надо иметь данные. Мало кто выдержит. Я случайный. Второй раз я бы не прошел. Просто не смог...

- Часто ли вы испытываете минуты творческого счастья?

- Жизнь музыканта - это в основном рутинная, профессиональная борьба за мастерство с формой произведения, инструментом, залом, ситуацией. Лишь тот, кто все это сумеет преодолеть, правильно рассчитать свои силы, достигнет сколь-нибудь значительных результатов. Но быт свободным в творчестве все равно не удается - слишком много сил отвлекается на борьбу.

У настоящих музыкантов бывает в жизни лишь несколько эпизодов, когда они чувствуют себя по-настоящему свободными. Это когда все совпадает: акустика зала, качество и количество публики, состояние твое и музыкантов, репертуар, наконец, осознание, что в этот конкретный момент ты способен отдать намного больше, чем обычно. И тогда вырастают крылья. Возникает чувство, что ты - творец. Ты можешь создать идеальные ценности. Это состояние невозможно забыть.

Я помню концерт, который состоялся много лет назад в дни культуры РФ в Киеве, посвященный воссоединению Украины с Россией. Под моим руководством было два оркестра - духовных инструментов и Осипова, а также сводный хор из коллектива Чернушенко и капеллы Свешникова. Более 200 человек стояло на сцене. Управлять таким огромным ансамблем очень трудно. Режиссер к тому же еще больше усложнил мне задачу, выстроив певцов в шеренгу. Нам предстояло исполнить торжественную пьесу Мусоргского «В стольном граде во Киеве», посвященную победе русской армии над Наполеоном. В честь этого исторического события в Киеве собирались установить триумфальную арку. Я подготовил аранжировку к музыке Мусоргского. До меня ее делали замечательные композиторы Равель, Горчаков. Я же, чтобы подчеркнуть величие предстоящего события, ввел в пьесу запись новгородских колоколов. Однако даже на последнем прогоне не был уверен, что музыканты сумеют собраться и наше совместное творчество принесет хорошие плоды. Но вечером все зазвучало, колокола, голоса... Я был счастлив!

**Беседу вел
Наталья КУЗИНА**